

УДК 340.1:92

doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.05

5.1.1

С. С. Алексеев об общих теоретических проблемах системы советского права

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Проблемы системы права, классификационных критериев выделения новых отраслей права – комплексных или самостоятельных – либо формирования особых структур внутри существующих отраслей права обладают перманентной актуальностью в связи с постоянным процессом возникновения новых общественных отношений, требующих соответствующего правового регулирования и упорядоченного, адекватного и эффективного расположения новых правовых средств, правовых норм и институтов внутри уже имеющейся системы права, от чего во многом зависит процесс систематизации законодательства, организация его содержания и наполнение его по форме – кодексы, Основы, тематические законы, их внутренняя структура и т. д. Каким образом советская юридическая наука подходила к решению теоретических оснований этого вопроса в ходе крупной систематизации и кодификации советского законодательства в конце 50-х – начале 60-х годов, рассматривается на материале работы С. С. Алексеева «Общие теоретические проблемы системы советского права», опубликованной в 1961 г. В качестве критериев выделения самостоятельных отраслей права, требующих кодификации, ученый выделяет предмет и метод (совокупность специфических юридических признаков – особых способов, средств, приемов) правового регулирования, в рамках которого главным, ведущим элементом является правовое положение участников данных общественных отношений. Рассматривается методология, на основе которой ученый анализировал систему советского права. Делается вывод о вкладе С. С. Алексеева в решение актуальных вопросов изучаемого периода и об актуальности его подходов в условиях современного обсуждения проблем системы российского права в связи с возникающими новыми крупными и относительно самостоятельными группами правовых институтов.

Ключевые слова: С. С. Алексеев, советское право, система права, отрасль права, правовой институт, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, системный подход

Для цитирования: Семитко А. П. С. С. Алексеев об общих теоретических проблемах системы советского права // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 83–103. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.05.

S. S. Alekseev on General Theoretical Problems of the Soviet Legal System

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. The problems of the system of law, the classification criteria for the allocation of new branches of law - complex or independent - or the formation of special structures within the existing branches of law are of permanent relevance in connection with the constant process of the emergence of new social relations, which require appropriate legal regulation and the orderly, adequate and effective arrangement of new legal means, legal norms and institutions within the existing system of law. The process of systematizing legislation, organizing its content and filling it with form - codes, Fundamentals, thematic laws, their internal structure, etc. - largely depends on this. How the Soviet legal science approached to solving the theoretical bases of this question in the course of the great systematization and codification of the Soviet legislation in the late 50's - early 60's is considered using the material of S.S. Alekseev's work "General theoretical problems of the system of the Soviet law", published in 1961. As criteria for the identification of independent branches of law that need to be codified, the researcher identifies the subject and method (a set of specific legal characteristics - specific ways, means, methods) of legal regulation, within which the basic, leading element is the legal status of participants in these social relations. The methodology on the basis of which the scientist analysed the system of Soviet law is considered. The conclusion is made about the contribution of S. S. Alekseev to the solution of topical issues of the period under study and about the relevance of his approaches in the conditions of the modern discussion of the problems of the Russian legal system in connection with the emerging new large and relatively independent groups of legal institutions.

Keywords: S. S. Alekseev, Soviet law, system of law, branch of law, set of legal rules, subject of legal regulation, method of legal regulation, system approach

For citation: Semitko AP. S. S. Alekseev on General Theoretical Problems of the Soviet Legal System. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(1):83–103. (In Russ.) DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-1.05.

Введение. Актуальность

Одним из важнейших направлений развития современной юридической науки является решение проблем системного построения оптимальных правовых средств и правовых институтов для более эффективного регулирования новых общественных отношений, а также проблем объединения указанных средств и институтов в самостоятельные или комплексные отрасли права (цифровое, информационное, спортивное, медицинское и т. д.). Увеличение регулирующего правового воздействия государства на давно или относительно давно существующие группы отношений, приводящее к резкому росту соответствующего правового массива, также ставит вопросы о необходимости и/или целесообразности выделения соответствующих правовых институтов в новые отрасли права – самостоятельные или комплексные (образовательное, инвестиционное, конкурентное и т. д.). Во всех случаях обсуждения места новых правовых массивов в системе права имеется выбор между допустимостью «распыления» новых правовых средств, норм и институтов по разным подразделениям уже существующих отраслей права с учетом формирования (либо без учета такового при его отсутствии) внутри них новых структурных образований и необходимостью квалификации указанных массивов в качестве самостоятельных или комплексных отраслей права. По этой причине дискуссия о системе права, о классификационных критериях выделения самостоятельной и/или комплексной отрасли права, об особенностях внутренней структуры последних, которая велась в советской науке на протяжении длительного времени, полученные при этом результаты и находки, с одной стороны, а также заблуждения и ошибки, имеющие для истории науки не меньший вес, чем ее достижения, – с другой,

должны учитываться при движении нашей науки вперед с целью более эффективного и плодотворного решения животрепещущих практических проблем развития современной системы права. В настоящей статье мы ограничиваемся лишь одним периодом дискуссии, связанным с ее анализом в монографии С. С. Алексеева 1961 г. «Общие теоретические проблемы системы советского права» [Алексеев 1961].

В статье используются биографический, исторический, формально-юридический методы, культуральный (культурологический) анализ и системный подход.

Начало пути. Цивилистика – фундамент правоведения

С. С. Алексеев начал свою деятельность как цивилист – его кандидатская и докторская диссертации были посвящены проблемам гражданского права [Алексеев 1951; Алексеев. Предмет советского ... 1959]¹, а позже он занимался главным образом разработками в области общей теории права. В конце 50-х – начале 60-х годов ученый публиковал работы как по гражданскому праву по ряду конкретных [Алексеев 1958; Алексеев. Гражданская ответственность ... 1959 и др.]² и общих [Алексеев 1962 и др.] теоретических проблем этой отрасли, так и по теории права, а с переходом в 1961 г. с кафедры гражданского права на кафедру теории (и истории – как она называлась до 1963 г.) государства и права в Свердловском юридическом институте – СЮИ (с 1961-го по 1988 г.³) гражданско-правовых публикаций становилось все меньше, а общетеоретические исследования захватили основное внимание и интерес ученого, однако цивилистика всегда оставалась в поле зрения исследователя. Позже, характеризуя круг тем своих первых научных исследований в области цивилистики, он писал, что после защиты кандидатской диссертации (по теме акцептная форма расчетов) «началась работа по другой, также, казалось, “окольной” теме – о гражданской ответственности за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов (темы – “окольные”, но сколько в них юридических тонкостей!)... Вместе с тем со студенческих лет меня с какой-то неотвратимостью тянуло к общим вопросам, абстракциям, теоретизированию (недаром же еще в школьные годы пытался постигнуть премудрости гегелевской “Логики” и кантовского “Чистого разума”!), с аспирантских лет – преподавание по теории государства и права (даже и в аспирантуру первоначально намеревался поступить по этой дисциплине, чуть было в Москву не поехал – денег на проезд не хватило)» [Алексеев. Круг замкнулся ... 2010, т. 4, с. 158–159]. Следует, однако, заметить, что интерес к цивилистике, к изучению конкретного нормативного правового материала, сложных юридических конструкций ученый сохранял на протяжении всей своей жизни, в том числе и в особенности в поздний период своего творчества, когда все его знания потребовались для реформаторской политико-правовой деятельности.

Общая теория права – начало пути. Системный подход как важнейший и дополнительный к марксизму сквозной методологический принцип исследователя

Первые работы в рамках общей теории права – статья «О теоретических основах классификации отраслей советского права» [Алексеев 1957] и монография «Общие теоретические проблемы системы советского права» [Алексеев 1961] – были посвящены изучению **системы** права – проблеме, которой автор занимался на протяжении всей своей научной деятельности в рамках обоих – советского и постсоветского – этапов

¹ Докторская диссертация была защищена на основе указанной монографии 1959 г.

² Следует подчеркнуть, что даже в работах по конкретным проблемам гражданского права (как, например, в указанной здесь статье «О составе ...») выражался, по сути дела, общетеоретический дискурс, когда автор анализировал юридическую конструкцию состава гражданского правонарушения и выделял «особую правовую категорию – основания *освобождения от ответственности*» и отмечал необходимость «разработки этой общеправовой теоретической проблемы».

³ С марта 1988-го по октябрь 1992 г. С. С. Алексеев исполняет обязанности директора Института философии и права Уральского отделения АН СССР, а с октября по своей инициативе переходит на должность главного научного сотрудника этого института [Алексеев 2010, справоч. том, с. 177–178].

своего творчества [Семитко. С. С. Алексеев: ценность права ... 2019], а **системный подход**, который он при этом использовал, можно назвать одним из ведущих, одним из основных методологических оснований или способов его познавательной деятельности [Семитко. Механизм правового регулирования ... 2019]. С учетом того, что основной характеристикой системы, ее инвариантным аспектом является **структура**, то есть «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [Новая философская энциклопедия 2010, с. 647], а также того, что «свойства объекта как целостной системы определяются не только и не столько суммированием свойств его отдельных элементов, сколько **свойствами его структуры**, особыми **системообразующими интегративными связями** рассматриваемого объекта (выделено нами. – А. С.)» [Там же, с. 559] и несмотря на устоявшийся в науке и используемый также далее нами термин «системный подход» («системный анализ», «общая теория систем», «системные исследования» и т. д.), мы бы могли более точно назвать этот научный метод мыслителя **системно-структурным подходом** и связанным с ним **функциональным анализом** для того, чтобы подчеркнуть, что его внимание было нацелено именно на **структурный – основной – аспект системы**, а также на ее функционирование, выраженное в определенной последовательности «механизменных» связей важнейших правовых явлений.

Интерес к системе советского, а затем российского права, ее структуре и законам функционирования, которые мыслитель исследовал при помощи системного подхода (системно-структурного и функционального анализа) проявились позже в его работах «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» [Алексеев 1966; Алексеев 2018], «Структура советского права» [Алексеев 1975], «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» [Алексеев 1989], а также и в работах второго периода, в которых автор, с одной стороны, ретроспективно отмечал, что когда в советской юридической науке внимание сосредоточилось на реальной правовой материи и возникла направленность на ее более углубленное осмысление, то «на помощь такому повороту в правовых исследованиях *пришла философия*. Философия не в виде идеологических догм и политизированных интерпретаций (что как раз характерно для ортодоксального марксизма, в особенности ленинско-сталинских “гениальных идей”) или фундаментальных философских категорий, а главное – в виде *новых философских методов и приемов*, получивших в ту пору серьезную разработку.

Прежде всего и главным образом – это *теория систем* и основанные на ней *системные и структурные характеристики* явлений и предметов, их совокупностей, а также *функциональный анализ*, связанные с ним “*механизменные*” интерпретации явлений» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 45]. Это, по мнению ученого, привело к неожиданным научным результатам: «Оказалось, что право (даже тогда, когда правовая материя ограничивается одной только догмой права) обладает специфическими свойствами и закономерностями, особыми связями и соотношениями. <...> Но наиболее значимые результаты... были получены при попытках применения философских категорий и в особенности новых философских методов к праву в целом. Само право под углом зрения этих категорий и методов выступило в новом облике и, что особо существенно, в качестве *нормативной системы*» [Там же].

С другой стороны, в постсоветский период системно-структурные исследования были продолжены, значительно развиты и углублены при дальнейшем анализе не только типов, которые ранее были изучены в работе «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» (1989), но и других структур правового регулирования, моделей построения правового материала, «энергетического поля» регулирования и др. [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 249–280]⁴. Причем догматический, аналитический уровень исследования благодаря использованию указанной методологии был органично соединен мыслителем с философско-правовым ракурсом и вывел его на новые те-

⁴ См. гл. 8 работы «Восхождение к праву», параграф 2 этой главы называется «Типы и другие структуры правового регулирования».

оретические рубежи, которые отчетливо показали, каким образом глубинные специально-юридические закономерности правовой материи тесно связаны с глубинными основами человеческого бытия, с самим его смыслом. Чтобы показать эту выявленную ученым связь, отметим, что прежде всего им были зафиксированы важные структурные образования в праве, представляющие собой наиболее развитый уровень правовой материи, который характеризует ее внутреннее устройство и выражается в «строгой определенной модельной схеме или типовом построении правомочий, обязанностей, ответственности, процедур, носящих математически строгий характер».

Это и есть как раз **юридические конструкции** в самом точном значении этого понятия. А эти последние – что не менее существенно – **есть структура**, также в самом точном значении, когда все ее элементы образуют устойчивое строение, «скелет», инфраструктуру типа жесткого организма (выделено нами. – А. С.)» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 230].

Раскрывая с опорой на кантовскую методологию категории чистого права («всеобщий правовой закон»; всеобщие структуры; специфические идеи и принципы), С. С. Алексеев отмечает, что если рассматривать эти категории «под углом зрения особенностей материи права, то главное здесь – это *структурные особенности*, то, что непосредственно относится к внутренней форме права, “внутренней” организации его содержания. И то, надо добавить, что как и “всеобщий правовой закон” имеет *всеобщий* характер, т. е. выражает специфику права в целом, представляет его общие (всеобщие) черты» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 407]. Сюда, то есть к числу **всеобщих структур**, продолжает мыслитель, «по данным научных разработок настоящего времени, относятся:

- нормативно-юридическое построение регулирования;
- начала частного и публичного права;
- юридические конструкции» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 407].

Причем последние – «это не нечто внешнее в праве, не некое его “оформление” в юридических актах, а сама особая, “собственная” плоть права... Юридические конструкции, выражающие в каждом случае особые типовые соединения прав, обязанностей, ответственности, юридических фактов, это вообще *основное и решающее, что характеризует структуру права в наиболее высоком, совершенном ее значении*. И что, следовательно, выражает своеобразие и богатство права как особого социального феномена» [Там же, с. 413].

Анализируя юридические конструкции с методологической стороны как процесс типизации в праве, при котором определенные комплексы правовых средств приобретают модельное значение, автор использует особое понятие «системные структурные подразделения» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 206–207, см. также с. 187, 204, 210], подчеркивая тем самым как чисто системные, так и неотъемлемые от него структурные характеристики права: «Каждая юридическая конструкция – это, пусть и первичное, элементарное, но уже известное “построение”, притом “системное” и “структурное”. В ней отдельные юридические элементы – права, обязанности, меры ответственности – строятся в соответствии с требованиями жесткой структуры, в четкой системной последовательности, зависимости» [Там же, с. 207]. В ходе правового развития происходит типизация правовых средств, которая приводит также и к формированию на основе первичных правовых средств правовых общностей – «структурных подразделений в праве (правовые институты, отрасли права, их ассоциации, обобщенно – “другие структуры”» [Там же, с. 206]. В итоге получается, что когда «правовые средства, опять-таки в результате типизации в праве, приобретают характер юридических норм... то, строго говоря, на первичном уровне один и тот же устойчивый комплекс юридических норм, который обрел самостоятельную жизнь в позитивном праве, одновременно является по своей архитектонике юридической конструкцией, а по своим внешним характеристикам и связям с другими комплексами норм – правовым институтом. И именно особая юридическая

конструкция того или иного комплекса юридических норм и является тем главным (а непосредственно в регулятивной и охранительной сферах – единственным) основанием, которое объективно выделяет данный комплекс норм в особое первичное структурное подразделение – правовой институт» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 207]. В приведенных положениях, разработанных во второй период творчества ученого, хорошо просматривается то, что для характеристики сложной правовой материи, рассматриваемой под системным углом зрения, надо учитывать существующие в ней системные зависимости, последовательности и жесткие структурные связи, которые, с одной стороны, неразделимы, то есть представляют собой как бы одно и то же, а с другой – формируют разные аспекты правовой материи и саму правовую материю в целом как систему. Следует заметить, что уже в ранних своих работах ученый рассматривал систему права через ее структурные характеристики.

При этом правовая материя в целом, ее устройство, ее свойства, в том числе системность права, носят объективный характер и формируются спонтанно, а кодификационные процессы и юридическая наука выявляют этот характер и придают объективно сложившейся системности права внешне более упорядоченный и организованный вид [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 454]; такой же характер имеют тесно связанные с ней или, точнее сказать, внутренние для образования системы права процессы типизации, формирования правовых средств и юридических конструкций. Они, как и право в целом, его система, имеют относительно самостоятельный характер, имеют свою собственную историю развития, свои собственные закономерности и структурные образования, которые, накапливаясь во времени, составляют общечеловеческие достижения правовой культуры и переходят, постепенно совершенствуясь, от эпохи к эпохе, от одного общества к другому, а в случае отсутствия преемственности между какими-то обществами и культурами повторяют в общих чертах путь и закономерности формирования права в тех социумах, где процессы правового развития начались ранее. Полемизуя с О. Шпенглером, который рассматривает право исключительно в контексте «общественного и экономического опыта» и отстаивает свою идею права как элемента чисто практической жизни каждой эпохи, С. С. Алексеев пишет, что право не может быть сведено к одному лишь общественному и экономическому опыту и даже более того: «нет и в принципе не может быть “собственного – для данного общества – права”, не построенного на ценностях общей правовой культуры. В основе правового “словоупотребления”, точнее, правового категориального аппарата лежат вовсе не исключительно текущая и трепетная жизнь данного времени, как полагает О. Шпенглер, а прежде всего, во всяком случае в плоскости фундаментальных основ права, такие структурные построения (категории внутренней формы), которые благодаря силе разума и культуры концентрируют в категориях чистого права глубинные ценности жизни. И это уже относится не просто к правовой логике (тем более не к логике словоупотребления), а к тем пластам нашего бытия, которые выражают и опосредствуют в правовых категориях его *смысл*» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 415]. С. С. Алексеев полагает, что право – это всеобщий, универсальный для любого человеческого общества феномен, возникший в социуме с момента зарождения цивилизации, формирующийся и совершенствующийся во взаимодействии с ее ростом в целом и с определенными особенностями в ее отдельных, конкретных культурно-цивилизационных «ответвлениях». При этом с ростом цивилизации право, постоянно совершенствуясь и накапливая собственные, в некотором смысле вневременные, структурные формирования, уникальные юридические средства и механизмы, становится всё более и более неотъемлемым и важным фактором развитого человеческого общества.

Таким образом, право как социально-историческое явление – это не социально-экономическая и/или политическая «однодневка»⁵, которая возникает и исчезает вме-

⁵ Если же право – социально-экономическая и политическая «однодневка», когда, например, «политика есть самое концентрированное выражение экономики» [Ленин 1970, т. 42, с. 278], а право – концентрированное выражение политики, поскольку «закон есть мера политическая, есть политика»

сте с каждой новой эпохой и/или отдельным обществом внутри нее, а социальный феномен, имеющий свою собственную, относительно автономную и весьма длительную к сегодняшнему дню историю, в процессе которой силой культуры и разума многих поколений судей, юристов-практиков, ученых, комментаторов, социальных мыслителей, мудрых политиков и т. д. он накапливает, концентрирует глубинные ценности жизни, относящиеся к тем пластам бытия, которые выражают его смысл – настроенность на защиту свободы и права человека (не прав, а именно объективного права человека, в котором закреплены права последнего). И происходит это накопление в категориях чистого права – во «всеобщем правовом законе» (требовании свободы, сопровождаемом прочным правовым порядком), во **всеобщих правовых структурах** (глубинных и всеобщих структурах правовой материи – в нормативно-юридическом построении регулирования, началах частного и публичного права, юридических конструкциях), в специфических правовых идеях и принципах. Понятно, что указанные категории чистого права необходимо рассматривать в «соотношении с теми правовыми явлениями, которые продиктованы текущим общественным и экономическим опытом, требованиями, вытекающими из данных фактических отношений, прежде всего – предмета правового регулирования, цели регулирования и т. д. И в этой плоскости рассматривать в таком сложном соотношении категории чистого права в качестве “естественной” (в смысле естественного права как идеи разума) основы, определяющей “дух” права, его основополагающие начала, его особенности как жесткого организма и живого права» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 416]. Рассмотренные положения второго этапа научного творчества мыслителя были заложены еще в самом начале его творчества (об объективном характере формирования системы права, относительной самостоятельности права и закономерностях его функционирования, системно-структурных особенностях права, определенном влиянии на их формирование юридической науки и законодателя в процессах кодификации и систематизации в целом, и др.).

Можно сказать, что линия системно-структурных исследований права в творчестве мыслителя – одна из основных, если не основная, когда позже она стала рассматриваться в связи с идеей настроенности правовой материи на субъективные права и на право человека [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 435–438, 439–440, 462–463, 467, 475–496 и др.]. Системный подход приводит автора к выводу о том, что центральное звено догмы права – юридические нормы – с внешней стороны представлены в текстах законов лишь в виде каких-то «укороченных фраз, чуть ли не их обрывков», то есть нормативных предписаний, не совсем полных нормативных предложений, из которых может быть сформирована норма права в целом, и для этого нужно принять во внимание нечто внутреннее, «нечто “незримое” – структуру (структурированность) права, юридическую организацию соответствующих положений» [Там же, с. 98]⁶. Юридическая норма в целом, по мнению классика, может быть представлена только

[Ленин 1973, т. 30, с. 99], то право в таком обществе разрушается, уничтожается, замещается одними лишь внешними и потому пустыми его формами – неправовыми законами, неправосудными решениями правоприменителей, становясь таким образом «слепым» и часто жестко принудительным инструментом государственного регулирования общественных отношений, имеющих лишь чисто внешнюю схожесть с правом. Такое искажение и разрушение права приводит в итоге общество, где его не берегут, не ценят, к тотальным деструктивным процессам, ибо «материя права такова, – пишет С. С. Алексеев, – что она не позволяет использовать право по принципу “что хочу, то и ворочу” или по придворным нравам “чего изволите?”» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 94].

⁶ О «зримой» и «незримой» правовой материи автор пишет в другом месте [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 182–184]: «Суть же вопроса – в том, что “тело”, “вещество” права образует его (сообразно философским представлениям) внутренняя форма, т. е. структура, юридическая организация образующих право интеллектуально-волевых положений, идей, решений, мыслей.

Правда, и эта структура тоже может иметь “зримое” выражение в законах, иных писанных источниках права (в составе кодексов данной страны, в структуре кодексов, их главах, статьях закона). Но само-то “вещество” права, его *corpus juris* – это особая, во многом “невидимая” социальная реальность, выражающая структурированность права, его математические характеристики, организацию его содержания с сугубо юридической стороны» [Там же, с. 183].

если «вписать текст закона в модель *логической нормы* – нормы со всем набором необходимых для нее элементов (гипотезой, диспозицией, санкцией)...

Следовательно, даже на примере одного, притом самого элементарного, звена догмы права, юридических норм, выясняется, что собственная плоть права кроется в **организации правового материала, в юридических структурах** (выделено нами. – А. С.)» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 98] (см. также: [Алексеев 2009, с. 20 и др.]).

Таким образом, отвечая на вопрос о том, что есть «тело» права (право как «форма»), автор выделяет «зримую» составляющую, которая относится к внешней форме права – это его источники: законы, судебные прецеденты, иные источники юридических норм, выраженные, как правило, в письменных документах. Но всё же самое существенное в праве – «это его “незримая” составляющая (то, что относится по философским определениям уже не к внешней, а к внутренней форме)» [Алексеев. Восхождение к праву ... 2010, т. 6, с. 97], то есть **структура**. Автор возвращается к этой идее и в одной из последних глав работы «Восхождение к праву», где еще раз подчеркивает: «Ведь материя права – это и есть “структура” («внутренняя форма») в ее широком понимании...» [Там же, с. 463, см. также с. 184]. Что касается фундаментальных методологических оснований исследователя, то первый период творчества следует назвать марксистским, а второй – кантианским, в то время как системный подход был важнейшей дополнительной, но сквозной, то есть используемой в обоих периодах творчества, методологией, что закономерно вытекало из требований самой правовой материи.

Общие теоретические проблемы системы советского права

Если рассмотреть самые первые системные исследования права, сделанные в книге «Общие теоретические проблемы системы советского права» (1961), где были заложены определенные основы последующего, кратко рассмотренного выше, развития авторской мысли о системе и структуре права, то в ней автор поставил вполне конкретную задачу анализа теоретических основ классификации отраслей советского социалистического права, что имело важное практическое значение для проводившейся в стране в тот период работы по систематизации, в том числе и в особенности по кодификации, законодательства, что невозможно было осуществить на должном, адекватном уровне без построения научно обоснованной системы законодательства, которая не тождественна системе права, но ее построение невозможно без изучения системы права, на которой она базируется [Алексеев 1961].

Право рассматривалось С. С. Алексеевым как единое и внутренне дифференцированное, то есть системное, явление («единство и внутренняя дифференциация права и образуют *систему права*» [Алексеев 1961, с. 4]⁷), обусловленное экономическим базисом общества, который в свою очередь зависит от господствующей формы собственности на орудия и средства производства и формирующихся на этой основе социально-экономических отношений. Последний тезис – про базис (и тесно связанную с ним хотя относительно самостоятельную, но все-таки зависимую от него в конечном счете по фундаментальным своим параметрам надстройку) – был общим местом марксистского подхода, общепризнанной и неоспоримой методологической основой социально-гуманитарных исследований советского периода, и ученый последовательно придерживался этого подхода (который, заметим в скобках, имеет серьезную научную обоснованность и немалый эвристический потенциал, если не относиться к нему как к истине в последней инстанции, то есть учитывать присущие ему ограничения и преувеличения). Однако с первых же своих работ вслед за положением марксизма об относительной самостоятельности надстройки ученый делал особый акцент на относительной самостоятельности права [Алексеев. Предмет советского ... 2010, т. 1, с. 173; Алексеев 1961, с. 72–76 и др.], относительно самостоятельном развитии его системы («Система права

⁷ Имеющиеся в тексте монографии 1961 г. выделения в виде разрядки заменяются курсивом.

поэтому развивается относительно самостоятельно» [Алексеев 1961, с. 4]), а также на их объективном и закономерном характере: «Но одной лишь констатацией объективного характера системы права ограничиться нельзя. Система права представляет собой *объективную закономерность* права данного государства» [Там же, с. 8]. И в то же время необходимо учитывать активную роль законодателя в процессе формирования отраслей права, а значит, некоторое, причем не прямое, его влияние на формирование системы права, в том числе через принятие кодифицированных правовых актов, хотя сама его деятельность также обусловлена потребностями экономического базиса, то есть свобода законодателя имеет определенные пределы. Более того, автор настоятельно подчеркивает «отсутствие *прямой* зависимости системы права от усмотрения отдельных лиц...» [Там же, с. 9]. В условиях начавшегося с середины 50-х гг. прошлого века перехода советского общества от тоталитарного режима, где все решения принимались одним-единственным вождем – «отцом народов», или, проще говоря, тираном, диктатором, к режиму авторитарному, где решения принимались очень узким кругом лиц – «кругом», стремившимся также к волонтаристскому единоначалию первого лица, положение об отсутствии *прямой* зависимости системы права от усмотрения *отдельных лиц* звучит серьезным напоминанием политической элите о необходимости учета целей провозглашенного строительства нового общества, созидание которого рассматривалось как объективный и закономерный процесс. Кроме того, понимая, что усмотрение, произвол и волонтаризм – явления вполне обычные в политике коммунистического руководства и советского режима в целом, автор, разумеется, не раскрывая этого своего понимания в тексте, что в то время сделать было совершенно невозможно (без того, чтобы не подвергнуться репрессиям), лишь предупреждал, что игнорирование правовых закономерностей «мстит за себя – порождает трудности практического характера» [Там же, с. 81].

Объективный характер системы права приводит к тому, что в процессе научного исследования ее «нельзя построить, создать, сконструировать. Задача юридической науки состоит в *обнаружении и исследовании* объективно существующих связей между институтами права и в установлении на этой основе классификации отраслей» [Алексеев 1961, с. 9]. Однако юриспруденция может содействовать развитию системы права путем «постановки перед законодателем вопроса о необходимости издания новых нормативных актов, направленных на изменение *содержания* правового регулирования, что может повлечь за собой и определенные изменения в системе права» [Там же].

Несмотря на то что экономический базис составляет объективную основу для дифференциации, то есть для деления права на отрасли – главные подразделения системы права, само это деление является **правовой** классификацией, то есть внеправовые, экономические критерии хотя и позволяют объяснить связи и разграничение отраслей права между собой, но «они не могут быть квалифицированы в качестве непосредственных признаков, характеризующих эту связь и разграничение» [Алексеев 1961, с. 5]. Соотношение отраслей права характеризуется не только тем, что они обособлены, разграничены друг от друга, но и тем, что «они соединены *закономерными связями*» [Там же]. Система права определяется автором как «*обусловленная экономическим строем данного общества (базисом) внутренняя структура права, выражающая расположение правовых институтов по связанным между собой подразделениям (отраслям)*» [Там же, с. 7]. Данная дефиниция дана в русле сложившейся в советской науке по итогам первой дискуссии о системе права (1938–1940 гг.) традиции ее определения, и автор приводит работы своих предшественников, в которых дается близкая дефиниция: коллективную монографию под редакцией Н. Г. Александрова [Основы теории государства и права 1960, с. 377] и работу Г. И. Петрова [Петров 1959, с. 95].

В этом определении, как и в анализе системы права, проделанном автором в рассматриваемой работе 1961 года, можно видеть отражение ряда принципов системного подхода – подхода, который становился постепенно и особенно в эпоху хрущевской оттепели своего рода дополнительной к марксизму парадигмой советской науки в це-

лом и юриспруденции в частности. Правда, автор не ссылается на философские труды в области системного подхода: в работе 1961 г. он анализирует большой объем юридической литературы – общетеоретической и отраслевой, ссылается на законодательство, судебную и иную правовую практику – решения Верховного Суда СССР, Государственного арбитража при Совете Министров СССР, а в качестве методологических оснований приводит положения из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых имелись также и определенные компоненты системного подхода, применявшиеся классиками к анализу сложных систем фактически и без привычной нам сегодня терминологии, сложившейся в середине прошлого века. Исследователь принципа системности в теории и методологии К. Маркса писал, что мыслитель «никогда специально не занимался методологической разработкой принципа системности. Но он фундаментально изучил самую сложную из существующих в мире систем – общество и тем самым оставил нам практическую логику системного исследования общественных явлений, его важнейшие принципы» [Кузьмин 1986, с. 206]. Однако в авторском тексте встречаются общенаучные методологические констатации, выражающие некоторые положения системного подхода: «Система (структура) какого-либо явления представляет собой его необходимое свойство» [Алексеев 1961, с. 8]. При этом автор говорит о системе (структуре) права и определяет систему права как внутреннюю его структуру. Такой – системно-структурный – подход сохранялся в целом на протяжении всего творчества ученого с определенными нюансами и дальнейшим развитием его в плане углубления правовых исследований на основе системной методологии. И здесь нет никакого отождествления этих двух категорий, поскольку структура является инвариантным аспектом системы, ее основной характеристикой как совокупность устойчивых связей, обеспечивающих основные свойства и качество системы, поэтому невозможно дать характеристику системе без анализа всей ее структуры: именно сложные структурные образования и связи формируют систему права. Или еще короче: систему права определяет, создает, формирует его структура – вот почему для характеристики системы надо анализировать ее структуру.

Этого не учитывают некоторые ученые, которые полагают, что С. С. Алексеев будто бы отождествляет, смешивает систему и структуру. Так, Д. А. Керимов в «Методологии права», ссылаясь на работу С. С. Алексеева «Теория права» [Алексеев 1995], пишет: в тех случаях, когда «автор касается структуры, то постоянно смешивает ее с системой или отождествляет их» [Керимов 2001, с. 193]. Похожие и даже еще более расширенные претензии Д. А. Керимов предъявляет и философу В. И. Свидерскому⁸, приводя его определение структуры как «принципа, способа, закона связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого» и отмечая: «Это и подобные ему определения фактически отождествляют категории целого, системы и структуры» [Там же, с. 189]. В этом упреке философу «вменяется в вину» отождествление не только категорий системы и структуры, но еще и категории целого. Все дело состоит, однако, в том, что системный подход базируется на выявленных наукой объективных свойствах системы – прежде всего таких, как целостность и структурность, поэтому-то для полноценного анализа системы необходимо основательное исследование указанных ее свойств. Разбор подобных исследований и приводит некоторых авторов к заключению, что происходит будто бы отождествление или смешение ряда важнейших, ключевых свойств системы – ее структуры, целостности – с самой системой как таковой, в то вре-

⁸ Заметим, что С. С. Алексеев активно ссылался на работы В. И. Свидерского, в том числе в его соавторстве с Р. А. Зобовым, в «Проблемах теории права» (1972) [Алексеев. Проблемы теории права ... 2010, т. 3, с. 24, 128] и более активно в книге «Структура советского права» (1975) [Алексеев. Структура советского права 2010, т. 2, с. 8, 9, 24, 29, 47, 51, 53, 78–79, 167, 196], в которой автор подчеркнул, что в предыдущих своих работах он присоединился к определению В. И. Свидерским структуры как закона связи элементов, отреагировал на критику со стороны Д. А. Керимова по этому поводу, указав, что с определенными уточнениями выражение «закон связи» имеет право на существование [Там же, с. 9].

мя как анализ ее только и возможен через углубленные характеристики прежде всего указанных, но и иных свойств тоже.

Перефразируя печально известную «формулу» В. В. Маяковского «Мы говорим – Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим – партия, подразумеваем – Ленин», в данном случае можно сказать так: мы говорим – система, подразумеваем – структура, мы говорим – структура, подразумеваем – система. Если политический лозунг ясно показывал единство и различие организации и ее создателя, а потому ни у кого не возникало сомнений в отождествлении или смешении указанных феноменов, то в научном разграничении системы и структуры, которые являются разными аспектами, сторонами права как целостности, конечно же, все гораздо сложнее: приведенное перефразированное высказывание может быть охарактеризовано, скорее, как метафора, как начальный пункт для того, чтобы зафиксировать единство и различие указанных категорий и соответствующих им явлений, но ограничиваться этим нельзя, и поэтому данная проблема в целом, безусловно, требует дальнейших размышлений и обсуждений. Хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на то, что в работах С. С. Алексеева речь идет не просто о системе и структуре самих по себе, а о системе и структуре **права**, то есть право – это центральный объект исследования, который имеет сложное строение, устройство, архитектуру, структуру, способ, закон связи между элементами и т. д., то есть имеет свойство, или качество, как системности, так и структурности, притом что согласно принципам системного подхода основной характеристикой системы, ее инвариантным аспектом является **структура**. И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин и В. Н. Садовский отмечают, что «в системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, **взаимосвязь** которых обуславливает целостные свойства этого множества. Основной акцент делается на выявлении **многообразия связей и отношений**, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. Свойства объекта как целостной системы определяются не только и не столько суммированием свойств его отдельных элементов, **сколько свойствами его структуры**, особыми **системообразующими интегративными связями** рассматриваемого объекта (выделено нами. – А. С.)» [Новая философская энциклопедия 2010, с. 559]. Поэтому при анализе права, его системы следует говорить прежде всего и главным образом о структуре права, которая определяет свойства права как системы, что, по-видимому, и создает впечатление отождествления системы и структуры.

Какие принципы системного подхода были фактически реализованы в исследовании 1961 года? Прежде всего, принцип взаимозависимости системы и среды – правовой системы и окружающей ее среды в виде экономического базиса, который обуславливает, в конечном счете, происходящие в надстройке, в том числе и в праве, в его системе, методах правового регулирования, процессы и явления. Однако отмеченная взаимозависимость предполагает и обратный процесс – «активную роль права в преобразовании и развитии общественных отношений» [Алексеев 1961, с. 58] – процесс, который также фиксируется в анализируемой монографии. Другим важнейшим принципом является структурность как возможность описания системы через установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений внутри системы, а также обусловленность характеристик системы свойствами ее структуры – тем, каким образом входящие в систему элементы, в данном случае правовые институты, связаны друг с другом и, будучи связанными между собой, входят в соответствующие подразделения (отрасли) системы права. Можно говорить и об использовании принципа целостности, поскольку системно-структурные характеристики права формируют новое его качество – целостность, юридическое единство, внутреннюю согласованность; последняя, в частности, основана на экономическом, социально-классовом единстве, которое «выражается в единстве его правовых принципов и даже в единстве приемов и способов выражения и закрепления предписаний правовых норм в источниках права» [Там же, с. 3]. Наконец, еще один принцип системного подхода – иерархичность – находит свое выражение в описании

системы права как совокупности отраслей, которые, в свою очередь, складываются из правовых институтов.

Вопросы системы и структуры права изучались С. С. Алексеевым и позже. Что касается советского этапа его научного творчества, то в первом выпуске курса лекций «Общая теория социалистического права» (1963) система права определяется как *«объективно существующая внутренняя структура или подразделение единого социалистического права на определенные части (отрасли), выражающие разграничение и связь между отраслями права»* [Алексеев 1963, с. 209]. В качестве важнейших ее свойств, характерных черт автор выделяет *закономерность* системности права, *единство*, *связь и разграничение* между своими составными частями, *объективность*. Система – это членение *единого*, цельного (автор отмечает целостность как важнейшее качество системы) права на отрасли, единого по своему государственно-волевому содержанию, принципам, особенностям роли в жизни общества; юридическое единство системы выражается в том, что издаваемые в пределах данного государства правовые акты согласованы между собой, подчиняются единым началам: «Именно поэтому, определяя систему права, следует говорить о внутренней структуре – структуре, существующей внутри единого социалистического права» [Там же, с. 210]. Как видно из этого анализа, система права может быть описана, охарактеризована через изучение ее внутренней структуры, но это не означает, что система права отождествляется с ее структурой – последняя есть лишь одно из важнейших инвариантных свойств системы.

Дальнейший шаг в исследовании системы права сделан в опубликованном в 1972 г. первом томе «Проблем теории права», первый фрагмент главы «Система социалистического права» которого называется «Структура и система права», где делается упор на характеристику системы права как его, прежде всего, структуры. В этой работе автор определяет систему и структуру сходным образом – как строение права, способ (закон) связи образующих его элементов – отраслей, институтов (для системы) с добавлением норм (для структуры) и поясняет: «Иными словами, вопросы системы права охватывают строение права на уровне “макроструктуры”», – и продолжает в сноске: «На употребляемую в данной главе терминологию известное влияние оказывает сложившееся в юридической науке традиционное словоупотребление. Традиционно в юридической науке слово “система” употребляется для обозначения наиболее крупного деления в праве – деления на отрасли и институты. Между тем с точки зрения теории систем этим термином обозначается явление в целом, охватывающее все его структурные подразделения. Вот почему, помимо иных оснований, и потребовалось обозначение строения права как сложной системы при помощи термина “структура” (сохранив термин “система” для характеристики способа и характера связи между отраслями и институтами права)» [Алексеев. Проблемы теории права 2010, т. 3, с. 130]. Дальнейшее изучение системы и структуры права проведено в работах «Структура советского права» [Алексеев 1975], «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» [Алексеев 1989] и, конечно, в работах второго периода. Изучая первый этап творчества, следует обратить особое внимание на реализацию Правоведом структурно-функционального аспекта системного подхода в работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» [Алексеев 1966; Алексеев 2018], о чем автор этих строк писал ранее [Семитко. Механизм правового регулирования ... 2019]. В двухтомном курсе «Общая теория права» [Алексеев 1981; Алексеев 1982] главу «Структура права» ученый поместил в раздел «Свойства права», пояснив в ссылке к названию главы, что системность (структура права) – это одно из основных первичных свойств права. Первый фрагмент указанной главы называется «Право как система», где отмечается, что «наиболее важные общие черты права как системного явления таковы: право принадлежит к особому классу системных объектов, сочетающих черты органических и неорганических систем, причем в зависимости от развитости права данного государства, его особенностей как структурной общности, обусловленных, в частности, кодифицированностью законодательства, уровень органичности права как системы возрастает; в данной плоско-

сти праву присущи и некоторые черты логической системы; право – функциональная социальная система... право – система формализованная... право, отличаясь стабильностью, в то же время имеет особенности динамической системы, и даже некоторые механизмы для своеобразной саморегуляции... право – социальная система, существование и функционирование которой связано с индивидуально-правовой деятельностью компетентных органов (правосудием); **и, наконец, для права характерна сложная, многоуровневая структура** (выделено нами. – А. С.)» [Алексеев 1981, с. 239–240]. Безусловно, что более глубокий, развернутый и детальный анализ системно-структурного подхода мыслителя к праву на протяжении обоих этапов его творчества ждет еще своего квалифицированного исследователя.

Классификационные критерии выделения отраслей советского права

Возвращаясь к краткой характеристике первой работы в области системного анализа права, отметим, что в книге 1961 г. ученый рассматривал предмет правового регулирования в качестве объективного, а также единого и единственного материального (**внеправового**) классификационного критерия распределения норм права по отдельным отраслям, сразу же подчеркивая, что это не означает игнорирования юридических признаков, характеризующих отрасли права и в своей совокупности составляющих методы правового регулирования, а также отмечая, что взгляд на предмет правового регулирования как на объективную основу классификации отраслей советского права утвердился в ходе дискуссии 1938–1940 гг. о системе советского права [Алексеев 1961, с. 10–12]. В рамках указанной дискуссии при определении системы советского права практически принималась во внимание также и специфика метода правового регулирования, но такой подход к классификации отраслей права, по мнению автора, не нашел «в то время ни достаточного теоретического освещения, ни официального научного признания. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в некоторых случаях при классификации отраслей предмет правового регулирования был использован в отрыве от особенностей методов регулирования» [Там же]. Признание метода дополнительным классификационным критерием определения системы права произошло по итогам дискуссии 1956–1959 гг.

Заметим также, что глубокий анализ предмета и метода одной из ведущих отраслей права проведен автором в книге «Предмет советского социалистического гражданского права» (1959) и ряд общетеоретических идей, которые рассматривались им в работе 1961 г., были сформулированы уже в 1959 году – в частности, положение об обусловленности метода правового регулирования особенностями соответствующего вида общественных отношений, которые определяют предмет правового регулирования: «Предмет правового регулирования может быть охарактеризован как решающий классификационный критерий системы права именно потому, что юридические особенности той или иной отрасли, в своем сочетании образующие специфический метод правового регулирования, обусловлены особенностями соответствующего вида общественных отношений» [Алексеев. Предмет советского ... 2010, т. 1, с. 21], и потому изменения в методе неизбежно сопровождаются изменениями в данном виде общественных отношений [Там же, с. 135]⁹; положение о том, что вопросы, связанные с классификацией отраслей права, – это вопросы, касающиеся правовых категорий – норм права и правовых отношений, и поэтому при всей важности экономических критериев классификации «надлежащий эффект здесь может быть получен при использовании классификационных категорий однопорядкового значения: применение экономических (внеправовых) классификационных оснований не может дать ожидаемых результатов, так как классифицируемые явления оказываются несоизмеримыми. Вот почему при решении практических вопросов, связанных с классификацией отраслей советского права, необходимо оперировать признаками соответствующего *метода*

⁹ Эту мысль автор высказал еще в 1955 г. в статье «О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования» [Алексеев 1955, с. 115–116].

правового регулирования – в первую очередь признаками, характеризующими общее юридическое положение участников данных общественных отношений» [Алексеев. Предмет советского ... 2010, т. 1, с. 131].

Положение о том, что деление права на отрасли – это именно **правовая** классификация, было сформулировано уже в 1959 г. и подтверждено в работе 1961 г. А подчеркнутый акцент автора на методе правового регулирования связан с преобладающим в советской юридической литературе того периода односторонним упором на предмет правового регулирования, поэтому во второй главе «Предмет правового регулирования как объективная основа деления советского права на отрасли» работы 1961 г. автор, обсуждая вопрос о степени качественной обособленности различных видов общественных отношений, необходимой для регулирования их соответствующими отраслями права, вновь обратил внимание на то, что «для формирования отрасли права необходима *такая степень* качественной специфики данного вида общественных отношений, которая бы требовала *особого метода* правового регулирования. Немыслимо существование отрасли права, не отличающейся от других отраслей определенными юридическими признаками. Эти признаки в своей совокупности образуют тот или иной метод правового регулирования» [Алексеев 1961, с. 16]. Без учета этого требования в определении степени качественной обособленности видов отношений можно «дойти, как метко заметил один из авторов, – пишет С. С. Алексеев, имея в виду яркое высказывание Л. С. Галесника, – до трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного, бакалейно-гастрономического права» [Там же, с. 15]¹⁰. Другой аргумент в пользу учета метода в единстве с предметом правового регулирования при классификации отраслей права касался примера из цивилистики: вхождение в сферу действия гражданского права некоторых личных неимущественных отношений было бы невозможным, «если бы разграничение отраслей осуществлялось по признаку предмета, независимо от метода правового регулирования» [Там же, с. 28].

В третьей главе монографии 1961 года – «Метод правового регулирования и его значение при решении вопросов системы права» – автор кратко и четко сформулировал свою позицию по данному вопросу: «особый предмет, а потому и особый метод» в противовес дилемме «либо предмет – либо метод» и формуле «и предмет – и метод». Со ссылкой на своих предшественников (С. Ф. Кечекьяна, Л. С. Явича) он развивал идею единства предмета и метода регулирования: «метод правового регулирования имеет классификационное значение именно потому, что он с *юридической стороны характеризует свойства предмета регулирования*» [Алексеев 1961, с. 47] (см. также с. 56), а также подчеркивал особое значение метода, ибо «без специфического *метода регулирования нет самостоятельной отрасли права*» [Там же, с. 49–50]. Однако недопустимо ограничивать значение категории «метод правового регулирования» задачами классификации отраслей права: поскольку эта категория «в концентрированном виде собирает в единый фокус правовые особенности данной отрасли права, отражая то основное, что отражает его *правовую сущность*, постольку именно метод регулирования является отправной базой для исследования целого ряда общих проблем отраслей права» [Там же, с. 53], таких как активная роль той или иной отрасли права, свойственных ей принципов и специфических для нее закономерностей.

Категорию «метод правового регулирования» нельзя связывать с какой-либо одной его юридической особенностью, метод представляет собой, по мнению автора, «особые *способы, средства, приемы*, используемые при правовом регулировании определенного, качественно своеобразного вида общественных отношений. Метод есть внутренне связанная, органически единая и цельная *совокупность* главных юридических особенностей, характеризующих данную область права и вытекающих из специфических черт соответствующего предмета правового регулирования» [Алексеев 1961, с. 48]. Автор подчеркивает, что, с одной стороны, метод правового регулирования – это

¹⁰ Автор ссылается на статью Л. С. Галесника «О проблемах системы советского права», опубликованную в журнале «Советское государство и право» [Галесник 1957, с. 112].

не один, а совокупность юридических признаков, а с другой, – говорить о формировании нового метода можно лишь тогда, когда изменения этих признаков будут настолько значимыми, что они так или иначе отразятся на формировании новой специфики правового положения сторон – ведущем элементе метода правового регулирования [Алексеев 1961, с. 66–67, 78].

«Таким образом, когда мы говорим о методе правового регулирования, то имеем в виду сложный по своей структуре *правовой режим*, свойственный данной области права в соответствии с требованиями экономического базиса общества, *комплекс юридических особенностей* (признаков), присущих данной группе юридических норм и правовых отношений» [Алексеев 1961, с. 48–49]. Метод – это «сгусток», ядро правовых особенностей той или иной отрасли права – особенностей, обусловленных предметом регулирования [Там же, с. 54]. Методы правового регулирования, так же как и «право в целом, характеризуются относительной самостоятельностью и, следовательно, зависят от предмета правового регулирования лишь *в конечном счете*. Поэтому положение о том, что метод регулирования “всецело” обусловлен его предметом, нельзя признать точным» [Там же, с. 56]. Это последнее положение, высказанное С. С. Алексеевым в его более ранней работе – статье о теоретических основах классификации советского права [Алексеев 1957], Л. С. Явичем, а также Б. Ф. Шейндлиным было подвергнуто критике, с которой автор согласился в монографии 1961 г., отметив, что прежний его подход «нельзя признать точным». В указанной работе был дан анализ элементов метода правового регулирования (общее юридическое положение сторон – правосубъектность, составляющее главный, ведущий элемент метода; степень и характер участия различных субъектов в формировании содержания правовых отношений; юридические факты; юридические санкции), которые выделяются при рассмотрении двух узловых категорий – норм права и правоотношений [Алексеев 1961, с. 61–71, 78, 106 и др.]. Отметим, что эти четыре элемента, их общетеоретический анализ наряду с характеристикой гражданско-правового метода правового регулирования был дан еще в монографии 1959 г. [Алексеев. Предмет советского ... 2010, т. 1, с. 245–267].

В работе 1961 г. были проанализированы комплексные правовые институты и отрасли права; группировка отраслей советского права – государственное (ныне его называют конституционным) право как основополагающее звено системы, отрасли материального и процессуального права, их соотношение и функции; соотношение системы права, системы законодательства (которая должна быть стабильной, согласованной и определенной), системы правовых наук и учебных дисциплин; другие вопросы. Было отмечено, в частности, что система права предопределяет состав основных («отраслевых») систематизированных актов, а также влияет и на внутреннюю структуру отдельных систематизированных нормативных правовых актов.

Система правовых наук и учебных дисциплин. Теория государства и права и общая теория права

Система правовых наук богаче и шире по своему составу, чем система права. Первую необходимо также отличать от системы юридических дисциплин, но нельзя их противопоставлять, так как в целом состав учебных дисциплин совпадает с составом правовых наук. И если для формирования научной дисциплины требуется однородность предмета изучения, то это требование не является обязательным при конструировании учебного курса; в этом случае могут учитываться самые различные факторы, начиная от общей классификации общественных наук и кончая бюджетом времени обучающегося. Автор обратил внимание на то, что при решении указанных вопросов следует учитывать определяющее влияние на систему юридических дисциплин системы права – перечня составляющих ее отраслей, а что касается соотношения общетеоретических и конкретных юридических дисциплин, то первым этапом овладения юридическими знаниями должно быть освоение теории государства и права, затем – изучение отраслевых дисциплин, и завершать подготовку студентов юридических учебных заведений

следует общей теорией права. Такое предложение связано с тем, что С. С. Алексеев исходил из признания самостоятельного характера общей теории права, которая является наукой юридической и методологической. Теория государства и права как наука о двух частях надстройки (а не об одной из них) необходимо имеет общесоциологический характер, является исходной и притом решающей ступенью в процессе научного познания государственно-правовых явлений, в ходе изучения общих закономерностей, характерных и для государства, и для права, однако специальная юридическая проблематика не уместается в пределах этой дисциплины, поскольку государство «не относится к юридической части надстройки» [Алексеев 1961, с. 167–168]; для подготовки юристов она необходима, прежде всего, как дисциплина учебная. Общетеоретическая разработка специальной правовой проблематики должна осуществляться в пределах *общей теории права* (которая на тот момент не была признана в качестве самостоятельной науки). Эта и последующие работы С. С. Алексеева в рамках указанной дисциплины, а особенно упомянутые выше авторские общетеоретические курсы 1963–1966, 1972–1973 и 1981–1982 гг. были бесспорным доказательством ее выделения в качестве самостоятельной и автономной отрасли юридической науки. В 1961 г. ученый подчеркивал, что признание общей теории права в качестве самостоятельной научной дисциплины не влечет за собой разрыва в теоретическом отношении права и государства. Изучение общей теории права во всем объеме специальной проблематики оказывается возможным и необходимым лишь после того, как на базе отправных, базовых положений о государстве и праве закончена проработка конкретных учебных дисциплин. «Конечно, – продолжает ученый, – в каких-то пределах учащийся здесь будет возвращаться к тем понятиям, которые воспринимались им как данные на первом этапе обучения. Но возвращение это, осуществляемое на новой качественной основе, наполнит абстрактные юридические понятия новым, живым многогранным содержанием» [Алексеев 1961, с. 176]. Следует заметить, что в конечном счете именно так и стали строиться учебные программы юридической подготовки в ряде высших учебных заведений вузов в СССР, когда на первом курсе студенты изучали теорию государства и права, а на завершающем курсе – общую теорию права. При этом первая, и уже с углубленным содержанием в области специальных отраслевых правовых проблем в вузах, где на старшем курсе преподавалась общая теория права (проблемы теории права), включалась в программу государственных экзаменов. Если после прихода большевиков к власти в октябре 1917 года право и юридическое образование стали классическим «факультетом ненужных вещей» (см.: [Ящук 2022, с. 77])¹¹, то в послевоенный период, во время хрущевской оттепели, юридическое образование стало постепенно восстанавливаться, хотя и позже, да и вообще в условиях строительства социализма и коммунизма, право в целом, а потому и соответствующее образование в определенной мере так и оставались не востребовавшими феноменами. Однако следует сказать, что вопреки этому фундаментальному негативному обстоятельству, в том числе репрессиям против ученых-юристов и преподавателей ([Насибуллин. Решительным образом бороться ... 2018; Насибуллин. Прочитанный профессором ... 2018; Насибуллин. Рецидивы прошлой реакционной ... 2018]; см. также работы Р. А. Насибуллина и подготовленные им к печати документы в сборнике [Сто лет Уральскому ... 2020]), советская юридическая наука, и теория государства и права в том числе, развивалась достаточно плодотворно. В послевоенные годы теория государства и права включалась в программу государственных экзаменов как юридических институтов, так и юридических факультетов университетов [Шеба-

¹¹ Т. Ф. Ящук пишет: «Непосредственно после революции 1917 г. юридические факультеты университетов, многочисленные и популярные у молодежи, были императивно закрыты. Затем, после короткого периода существования факультетов общественных наук, объединивших почти все гуманитарные и социальные науки, были воссозданы как факультеты советского права» [Ящук 2022, с. 77]. О ситуации в области юридического образования в СССР см. также: [Ящук 2014, с. 56–115].

нов 2016], стали издаваться монографии и учебники¹². И труды С. С. Алексеева занимали в этом ряду весьма достойное место. С сожалением приходится констатировать, что сегодня теория государства и права исключена из программ государственных экзаменов некоторых юридических вузов России, что, без всякого сомнения, сказывается крайне отрицательно на итоговой подготовке специалистов в области юриспруденции.

Хозяйственное право – самостоятельная или комплексная отрасль права либо только наука и учебная дисциплина?

Еще один важный вопрос, рассмотренный ученым в монографии 1961 года и являющийся своего рода одним из научных и одновременно практических (связанных, в том числе, с обсуждением Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик, а в дальнейшем и новых Гражданских кодексов, их структуры) приложений его концепции системы права, это вопрос о хозяйственном праве [Алексеев 1961, с. 35, 37–38, 90–93, 118–122, 157–159, 164]. Исходя из разработанных в рассматриваемой научной концепции классификационных критериев («особый предмет, а потому и особый метод») выделения в системе права самостоятельных отраслей, отнесение к числу последних права хозяйственного невозможно. Даже при том, что хозяйственные, производственно-распределительные и обменные отношения могут быть выделены в отдельный, относительно самостоятельный вид общественных отношений – предмет правового регулирования, – признание хозяйственного права самостоятельной отраслью права невозможно в силу принципиально различных методов правового регулирования – начала «власти-подчинения» (властно-организационные отношения) и начала «юридического равенства», которые используются в регулировании отношений в сфере социалистического народного хозяйства. И если бы советская юридическая наука согласилась с ироничным предложением Л. С. Галесника о возможности выделения трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного, бакалейно-гастрономического права, то не было бы никаких препятствий для выделения и права хозяйственного тоже. Однако этого не позволял сделать, прежде всего, другой критерий классификации отраслей советского права – метод правового регулирования, так как хозяйственные отношения регулируются совершенно различными методами и это различие фиксируется прежде всего в главном, решающем [Алексеев 1961, с. 66–67, 78] его элементе – общем юридическом положении сторон – правосубъектности (правоспособности), которая в области хозяйства у разных субъектов в разных правовых отношениях, в которые они вступают, носит качественно различный характер, и какого-то нового – общего хозяйственно-правового статуса для органов власти, участвующих в управлении народным хозяйством, и для социалистических предприятий, действующих в области производства, распределения и обмена продуктов и услуг, не возникает. Тем не менее комплексное изучение вопросов правового регулирования хозяйственных отношений в рамках науки хозяйственного права и преподавание соответствующей учебной дисциплины в юридических вузах автором приветствовалось [Алексеев. Предмет советского ... 2010, т. 1, с. 201; Алексеев 1961, с. 164, 172–173].

В более общем плане в работе 1961 г. ученый признавал целесообразность «дальнейшей критической проверки схемы отраслей, выработанной советской правовой наукой, дальнейших поисков новых подразделений в системе советского права» [Алексеев 1961, с. 35], что и делали защитники «хозяйственного права», а также другие ученые, которые выступали с идеями квалификации не признанных на тот момент правовых образований в качестве самостоятельных отраслей права. Добавим, что поиск и обоснование формирования новых отраслей права не прекращаются также и в современной юридической литературе; несомненно, что эта работа продолжится и в будущем, так как человеческая цивилизация находится в непрерывном движении, порой в очень резких и в разные эпохи разнонаправленных изменениях, то есть она постоянно разви-

¹² Заметим, однако, что первый учебник по теории государства и права был издан в 1940 году: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права [Голунский, Строгович 1940].

вается, что происходит сегодня все более и более ускоряющимися темпами. Это приводит к тому, что появляются принципиально новые виды общественных отношений, новые феномены, функционирование которых для человечества может иметь все более и более неожиданные, непредвидимые или трудно прогнозируемые и отнюдь не всегда позитивные последствия. Возникающие в связи с этим проблемы требуют к себе пристального внимания со стороны ключевых социальных акторов – властей, науки, образования и т. д., и прежде всего со стороны гуманитариев, обществоведов, в том числе и далеко не в последнюю очередь со стороны правоведов.

Значение исследования С. С. Алексеевым общих теоретических основ системы советского права в начале 60-х гг. прошлого века

Что касается общей оценки положений работы 1961 года – их научной значимости для юридической науки, то здесь будет уместно предоставить слово самому автору, который спустя почти полтора десятилетия, вернувшись к системно-структурному анализу советского права, дал оценку своим предшествующим разработкам в этой области – тому, что нашло подтверждение в науке, и тому, что с учетом появления новых данных и материалов потребовало уточнения и развития. В книге «Структура советского права» (1975) ученый писал, что вопросы о делении права на отрасли и о связях между отраслями уже освещались в ранее опубликованных им работах, в частности в книге «Общие теоретические проблемы системы советского права» (1961): «Главные из защищавшихся в то время идей нашли подтверждение и развитие в результате последующего обсуждения и разработки проблемы (о предмете правового регулирования и его чертах; о методе правового регулирования, его многогранности, значении и соотношении с предметом; об объективности системы права и др.). Эти идеи взяты за основу и в данной работе. Разумеется, учтены новые данные и материалы, например те, которые обусловили необходимость признания в качестве самостоятельных отраслей земельного и финансового права.

Вместе с тем изменение “угла зрения”, связанное с новейшими философскими исследованиями структурно-элементных отношений, потребовало рассмотрения деления права на отрасли в качестве одного из уровней структуры права в целом. А это позволило не только расширить проблематику, но и дополнить основные идеи, выдержавшие проверку временем, некоторыми новыми моментами, в том числе о вторичных образованиях в системе права, о механизме воздействия на нее системы законодательства и другими, а также охарактеризовать структуру советского права как существенную правовую ценность» [Алексеев. Структура советского права 2010, т. 2, с. 140].

Рассматриваемая монография, изданная в 1961 году, была написана в переломный период истории советского общества, а значит, в переломный момент развития науки в целом и юриспруденции в особенности, прежде всего с точки зрения политического контекста хрущевской оттепели, вызвавшей у советских ученых энтузиазм и надежду на отказ руководящей и направляющей силы советского общества, «руководящего ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126 Конституции СССР 1936 г.) от весьма одиозных практик сталинского террора и научного мракобесия, которые в общественных науках проявлялись в большей мере, чем в науках естественных, хотя и последние не обошли стороной. Кроме того, в области права перед страной, а потому и перед правоведами в первую очередь, стояла задача расчистки авгиевых конюшен репрессивного законодательства предшествующего периода и принятия новых нормативных правовых актов. С конца 50-х до середины 60-х годов проводится большая законодательная, в том числе кодификационная, работа. В конце 50-х – начале 60-х годов принимаются Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (25.12.1958), Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (25.12.1958), в соответствии с которыми принимаются Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР (оба – в октябре 1960 г.), идет обсуждение Основ гражданского законодательства, Основ гражданского судопроизводства, ко-

торые принимаются в декабре 1961 года, на базе Основ принимаются республиканские кодексы – ГК РСФСР и ГПК РСФСР (оба – в 1964 г.), готовится проект Основ законодательства о семье, разрабатываются нормативные правовые акты в других отраслях права. В этих условиях вопросы системы советского права, внутренней структуры нормативных правовых актов и актов кодифицированных прежде всего, становятся для общей теории права наиболее актуальными и жизненно важными как с научной, так и с практической точки зрения. Поэтому данная монография (как и опубликованные ранее и упомянутые выше статьи по данной теме: «О теоретических основах классификации отраслей советского права» (1957); О системе Основ гражданского законодательства СССР и республиканских гражданских кодексов (1957)) была посвящена решению исключительно важных на тот момент теоретических и практических проблем. И таким образом книга, с одной стороны, подводила промежуточный итог предшествующим дискуссиям о системе советского права (1938–1940 и 1956–1959 гг.), а с другой – закладывала теоретический фундамент для дальнейшей работы в области совершенствования, и в том числе систематизации, советского права. А поскольку разрастание новых правовых институтов и их объединений – правовых массивов в связи с появлением новых общественных отношений продолжается и сегодня, то проблемы структурирования этих массивов – как внутри них самих, так и в рамках уже имеющихся отраслей права либо с выделением самостоятельных или комплексных отраслей права – остаются актуальными с теоретической и практической точек зрения, что позволяет говорить о важности научных разработок, сделанных учеными-юристами в советский период.

Список источников

- Алексеев С. С. Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. Б. Б. Черепяхин ; Свердлов. юрид. ин-т. Свердловск, 1951. 347 с.
- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2002 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 6 : Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. 558 с.
- Алексеев С. С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М. : Госюриздат, 1959. 176 с.
- Алексеев С. С. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1962. 284 с.
- Алексеев С. С. Круг замкнулся: Повесть о праве. 2006 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 4 : Линия права. Концепция. Сочинения 1990–2009 годов. М. : Статут, 2010. С. 147–188.
- Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.
- Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. 2-е изд. Екатеринбург : Автограф, 2018. 192 с. (Серия «Предназначение и могущество права»).
- Алексеев С. С. О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 114–118.
- Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. № 1. С. 47–53.
- Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99–107.
- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 360 с.
- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1982. 359 с.
- Алексеев С. С. Общая теория социалистического права : курс лекций : учеб. пособие : в 4 вып. Вып. 1 : Введение : Сущность социалистического права. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1963. 266 с.
- Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 288 с.

- Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М. : Госюриздат, 1961. 188 с.
- Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. 336 с.
- Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. 1959 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 1 : Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. М. : Статут, 2010. С. 15–316.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. 781 с.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Справочный том / сост. М. Ф. Казанцев. М. : Статут, 2010. 189 с.
- Алексеев С. С. Структура советского права. 1975 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. С. 7–224.
- Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 264 с.
- Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 176 с.
- Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 1995. 320 с.
- Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 108–115.
- Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права : учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
- Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М. : Аванта+, 2001. 559 с.
- Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1986. 399 с.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 30. М. : Политиздат, 1973. 562 с.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. Т. 42. М. : Политиздат, 1970. 606 с.
- Насибуллин Р. А. «Прочитанный профессором Колоножниковым курс финансового права прошел на идеологически низком уровне при наличии грубых политических извращений в виде антисоветских формулировок»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 3. С. 35–48. DOI 10.25136/2409-868X.2018.3.22802.
- Насибуллин Р. А. «Рецидивы прошлой реакционной деятельности профессора Антропова налицо и не случайны. Политическое доверие оказано быть не может»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 58–72. DOI 10.25136/2409-868X.2018.4.22804.
- Насибуллин Р. А. «Решительным образом бороться за ликвидацию в кратчайший срок всех последствий контрреволюционных извращений на теоретическом правовом фронте...»: 1937 год в Свердловском юридическом институте // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 67–78. DOI 10.25136/2409-868X.2018.1.22790.
- Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин (пред. совета) и др. М. : Мысль, 2010. Т. 3 : Н–С. 692 с.
- Основы теории государства и права / Н. Г. Александров, Ф. И. Калинычев, Д. С. Карев и др. М. : Госюриздат, 1960. 439 с.
- Петров Г. И. Сущность советского административного права. Л. : Изд-во ЛГУ, 1959. 184 с.
- Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 114–126.
- Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе») // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 14–55.

- Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.) : в 2 т. Т. 2 : Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / под ред. проф. А. С. Смыкалина. Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. 1195 с.
- Шебанов А. Ф. Развитие юридических высших учебных заведений после Великой Отечественной войны // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 5–26.
- Ящук Т. Ф. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 года «О расширении и улучшении юридического образования в стране» и его реализация // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Калининград, 17–18 декабря 2021 года) / отв. ред. О. А. Заячковский. Калининград : Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2022. С. 76–82.
- Ящук Т. Ф. Юридическое образование в высшей школе : учеб. пособие. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2014. 312 с.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексева «За заслуги в юриспруденции». SPINкод автора: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

*Статья поступила в редакцию | the article was submitted 23.10.2023;
одобрена после рецензирования | approved after reviewing 12.12.2023;
принята к публикации | accepted for publication 16.01.2024.*